

ПОКА ТЫ БУДЕШЬ РЯДОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арика Ретнас

Пока ты будешь рядом

«Автор»

2026

Ретнас А.

Пока ты будешь рядом / А. Ретнас — «Автор», 2026

У льда нет жалости, а у толпы — памяти. Один подлый удар в спину за секунду до проката превратил пятикратную олимпийскую чемпионку Нику Моро в списанный утиль. Раздробленные кости, титановые винты и свирепая травля таблоидов: мир, который вчера целовал ее следы, с упоением растоптал обломки ее сердца. Ее похоронили заживо. Но королевы не умирают на коленях. Лео Васкес — самый дорогой форвард планеты, безжалостный хищник с гранитным взглядом и железной клятвой никогда не любить. В его мире есть только спорт высших достижений и редкие ночи без обязательств. Пока в ледяных глазах сломанной примы он не видит ту же черную бездну, что выжигает его изнутри. Их связь — не романтика. Это огонь на грани фола, первобытная страсть, выбивающая воздух из легких, и война с тенями прошлого, готовыми нанести смертельный удар за шаг до пьедестала. Они либо сожгут этот мир дотла, забрав свое золото, либо разобьются вдребезги.

© Ретнас А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Анатомия свободного падения	5
Глава 1. Ледяной монолит	8
Глава 2. Тени за стеклом	11
Глава 3. Черный шелк и мокрый гравий	14
Глава 4. Вспышка в темноте	17
Глава 5. Хрустальная ловушка	20
Глава 6. Лёд и раскалённый воск	23
Глава 7. Волна и шёпот	27
Глава 8. Цветочный террор и железная дева	31
Глава 9. Операция «Инкогнито» и ледяная серенада	34
Гла	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Арика Ретнас

Пока ты будешь рядом

Пролог. Анатомия свободного падения

У льда нет памяти. Ему абсолютно всё равно, чью кровь впитывать в свою пористую, морозную толщу — безвестного юниора или пятикратной олимпийской чемпионки, чье имя двадцать лет произносили с придыханием на пяти континентах.

В подтрибунном туннеле парижского дворца «Берси» пахло озоном от ледовых комбайнов, лаком для волос, застарелым потом и ледяной сыростью, поднимающейся из бетонных недр двадцатитысячной арены. За глухими звукоизолирующими шторами стоял низкий, вибрирующий гул. Этот звук не был похож на человеческий хор — он напоминал рокот голодного океана, готового проглотить очередную жертву.

Ника Моро стояла у самого края резинового настила, опершись ладонью в перчатке о холодную сталь технического поручня.

На ней было соревновательное платье из тончайшего пепельного шелка, расшитое десятками тысяч микроскопических кристаллов графитового оттенка. В свете дежурных ламп ткань мерцала, как чешуя реликтовой змеи. Безупречная осанка балерины. Платиновые волосы, намертво стянутые на затылке в тугой узел. Высокие, высеченные из слоновой кости скулы, на которых не дрожал ни один мускул.

Она выглядела как божество, сошедшее на землю за очередным золотом.

Но если бы кто-то подошел ближе... Если бы кто-то посмел заглянуть за занавес ее ледяных, прозрачно-голубых глаз, он бы отшатнулся в ужасе.

Там не было привычной концентрации перед боем.

Там полыхал погребальный костер.

Всего пять минут назад мир Ники Моро перестал существовать.

Это не было землетрясением или катастрофой вселенского масштаба. Это заняло ровно четыре секунды в полумраке раздевалки. Короткая вибрация в ладони. Экран, вспыхнувший в темноте бледным синим светом. Несколько строк. Несколько слов, которые пробили ее титановую броню чище снайперской пули и вырвали позвоночник, не оставив на теле ни единой царапины.

Предательство всегда пахнет холодной пылью. Оно никогда не предупреждает о себе громом — оно входит бесшумно, со спины, надев маску того, кому ты безоглядно доверил ключ от единственной незапертой двери в своем сердце.

В тот миг, когда буквы сложились в приговор, в легких Ники застыл воздух. Кровь в жилах превратилась в толченное стекло. Вся ее жизнь, выстроенная на идеальном контроле, самоотречении и маниакальной дисциплине, рассыпалась в серый прах за доли секунды до главного старта четырехлетия.

— Ника, тайминг! — резкий, хриплый голос матери разорвал оцепенение.

Евгения Моро шагнула вперед, пахнув крепким кофе и нервозностью, поправила воротник дочери, не заметив мертвенной белизны ее лица: — Канадка сорвала каскад. Зал твой. Выходи и уничтожай.

Ника медленно повернула голову. Ее губы шевельнулись, но вместо ответа из горла вырвался лишь беззвучный, сухой спазм. Она не видела мать. Она не видела арену. Перед ее внутренним взором стояла черная, бездонная пропасть, разверзшаяся прямо под ногами, и в этой пропасти сгорали двадцать пять лет ее каторги.

Она сделала шаг.

Пластиковые чехлы со стуком упали на резиновый настил. Остро заточенное лезвие из японской стали коснулось белого зеркала катка.

— *Sur la glace... Nika Moreau!*

Арена взревела так, что задрожали подвесные фермы под куполом. Двадцать тысяч человек вскочили на ноги. Вспышки сотен фотокамер слились в сплошную слепящую стену, отражаясь в хрустале ее платья. Франция ждала триумфа своей непобедимой королевы.

Она скользнула в центр. Полозья пели по глади льда, но Ника не чувствовала привычной упругости полотна. Под ногами была не мерзлая вода — под ногами была зыбкая, ядовитая трясина лжи. В висках набатом стучал тот самый смертный приговор с экрана. Каждое слово жгло нервы раскаленной щелочью, заставляя мышцы предательски сжиматься в спазме, отнимая координацию, выбивая из памяти заученный годами рисунок движений.

Грянул первый, оглушительный аккорд.

Ника сорвалась с места.

Это был не разбег — это был побег. Самоубийственный, иступленный полет раненого зверя, пытающегося оторваться от собственной агонии. Скорость росла каждую секунду: лезвия врезались в лед с пугающим, яростным визгом, снежная пыль веером взлетала к бортам.

Она шла на невозможное. На элемент, который в тот вечер не должна была исполнять. На четверной тулуп — прыжок на грани законов биомеханики.

Заход по крутой дуге. Корпус зажат. Мышцы натянуты, как перегруженные тросы на ветру.

Но в ту самую микросекунду, когда правый зубец должен был впечататься в лед для отрыва, перед глазами снова вспыхнуло то проклятое, добивающее эхо.

Мысль. Секундная потеря фокуса. Тончайшая трещина в концентрации, величиной в один миллиметр.

Толчок сорвался.

Тело взмыло в воздух под неправильным углом. Траектория искривилась, ось вращения сломалась на третьем обороте. Вместо вертикального штопора фигуристку закрутило по диагонали, выбрасывая из зоны безопасности на скорости шестьдесят километров в час.

В воздухе Ника успела понять только одно: земля летит навстречу.

А дальше наступил ад.

Звук, разорвавший тишину «Берси», не был похож на спортивное падение. Это был сухой, омерзительный, оглушительный треск сырого дерева, помноженный на металлический скрежет.

Правая нога вошла в лед под неестественным, вывернутым внутрь углом. Лодыжка буквально взорвалась от чудовищной перегрузки: кости раздробились, связки лопнули, как перетянутые струны, а инерция чудовищной силы швырнула ее тело дальше, впечатав затылком и ребрами прямо в деревянный борт арены.

Удар.

Глухой, чавкающий стук человеческой плоти о преграду.

Арена задохнулась. Двадцать тысяч криков застряли в глотках зрителей, превратившись в единый, леденящий душу вздох ужаса.

Музыка продолжала греметь, но в центре катка наступила тишина.

Ника лежала на боку, неестественно подогнув изувеченную правую ногу. Ее тело было неподвижным. Платиновые волосы разметались по ледяной крошке, а из-под рассеченного виска, прямо на сверкающий серебряный шелк платья и белое полотно льда, медленно, толчками растекалось темное, дымящееся на морозе алое пятно.

Она не закрывала глаз.

Она смотрела в размытые пятна прожекторов на потолке, чувствуя, как сознание медленно, капля за каплей, уходит в темноту. Физическая боль еще не пришла — шок надежно блокировал нервы.

Но сквозь подступающее небытие, сквозь вой сирен, сквозь панические крики матери, перемахивающей через борт, в ее затухающем разуме бился только один немой, ледящий вопрос:

За что?.. Кто нанес этот удар в спину?

Толпа за ограждениями уже доставала телефоны. Мир за экранами уже готовил свои ядовитые заголовки, предвкушая падение великой Моро. Они еще не знали, что эта кровь на льду станет началом самой темной, беспощадной и кровавой партии, где на кону будут стоять не олимпийские медали, а право дышать.

И чтобы выжить в этой бойне, сломанной богине придется сжечь свой прежний мир дотла.

Глава 1. Ледяной монолит

Четыре часа утра — это время, когда Париж принадлежит только дворникам, бездомным котам и тем, кто одержим.

Будильник не звонил: звук был отключен годами ранее, потому что Ника Моро просыпалась ровно за две минуты до бесшумной вибрации на запястье. Это было не привычкой, а безусловным рефлексом — наследием советской школы фигурного катания, которую ее мать, Евгения Моро, вбила дочери под кожу глубже, чем генетический код.

Ника откинула шелковое одеяло и села на край кровати. В пентхаусе на бульваре Сен-Жермен царил абсолютная, выхолощенная тишина. Она опустила босые ступни на холодный паркет: правая стопа отозвалась привычным тупым нытьем старого стрессового перелома, левое колено глухо щелкнуло. Память тела о тысячах падений за двадцать пять лет на льду.

Она подошла к зеркалу во весь рост, щелкнув мягкой подсветкой.

В зеркале отразилось то, что мировые медиа давно окрестили «генетическим парадоксом». Фигурное катание эпохи четверных прыжков превратилось в конвейер крошечных, почти бесплотных девочек-подростков ростом едва за метр пятьдесят пять, которые сменялись каждые два сезона. Ника ломала эту систему каждым своим вдохом.

Рост — сто семьдесят пять сантиметров. Плечи балерины, длинная лебединая шея, тончайшая талия и бесконечные, рельефные, точеные ноги, в которых скрывалась взрывная пружина, способная выбрасывать ее в воздух выше любого мужчины на арене. У нее была породистая славянская кость матери и французская утонченность отца: платиновые, густые волосы цвета северного инея, спадавшие тяжелой волной ниже лопаток, идеальный овал лица и огромные, пронзительно-голубые глаза. В этих глазах не было кокетства — только ледяная, чистая, пугающая глубина, от которой у судей на международных стартах перехватывало дыхание.

Она не была просто красивой девушкой. Она была монументом.

Франция сходилась по ней с ума. Культ Ники Моро в стране превосходил поклонение кинозвездам и политикам вместе взятым. Казалось, даже жирные голуби на карнизах Собора Парижской Богоматери знали ее имя. Ее портреты смотрели с гигантских цифровых билбордов на Елисейских Полях, где она представляла ювелирные дома Ван Клиф и Картье; ее именем называли десерты в мишленовских ресторанах, а благотворительный фонд Ники, открывающий катки в бедных пригородах, собирал десятки миллионов евро за один гала-вечер.

Она была пятикратной олимпийской чемпионкой. Двенадцатикратной чемпионкой мира. Национальным достоянием Республики. Живым символом абсолютного превосходства европейского спорта над законами физики.

Ника затянула тугий высокий хвост, надела черные компрессионные лосины, термободи с длинным рукавом и накинула оверсайз-худи. Никакой косметики. Никаких украшений, кроме крошечного серебряного крестика — подарка матери перед ее первой победной Олимпиадой в Сочи.

На кухне Ника выпила стакан теплой воды с лимоном и съела ровно шестьдесят граммов овсянки на воде без сахара и соли. Рацион был выверен до калории биохимиками сборной: ни грамма лишнего жира, ни грамма задержки воды. В двадцать девять лет удерживать тело на пике возможностей четверных прыжков стоило титанических, нечеловеческих усилий.

В пять утра ее строгий матовый «Порше» уже рассекал серый туман над Сеной. Париж только начинал дышать свежей выпечкой из пекарен, а Ника уже въезжала на закрытую подземную парковку катка в Булонь-Бийанкур.

Когда она перешагнула порог раздевалки, арена была пуста. Лишь слабый запах аммиака, хлорки и морозной крошки от полировочной машины.

— Ты опоздала на три минуты, — раздался жесткий, низкий голос из-за бортика.

У перил стояла Евгения Моро. Бывшая звезда советского спорта, женщина со стальным взглядом и идеально прямой спиной, которую не согнули ни десятилетия эмиграции, ни смерть мужа. За ней, сонно протирая очки, стоял главный хореограф сборной Жан-Люк.

— Пробки на набережной, мам, — спокойно ответила Ника, садясь на лавку у борта и начиная методично наматывать жесткие эластичные бинты на щиколотки.

— Пробки бывают у тех, кто не умеет рассчитывать время, — отрезала Евгения, бросив ледяной взгляд на секундомер. — Федерация сегодня прислала протокол. В Милане тебе будет тридцать, Ника. Твоей главной сопернице, японке Сато, исполнилось шестнадцать. У нее суставы из резины, и она крутит пять четверных на одной разминке, пока ты пьешь свои витамины. Ты понимаешь, что второй номер в сборной Франции нам не нужен? Либо шестое золото, либо ты уходишь на пенсию сегодня вечером.

Ника даже бровью не повела. Это была их привычная утренняя молитва. Мать не умела хвалить, она умела только выковыривать броню.

— Я прыгну пять, — тихо произнесла Ника.

— Что? — нахмурилась мать.

Ника затянула шнурки белых коньков с кастомными гравированными лезвиями, встала в полный рост, сбросила пластиковые чехлы и шагнула на свежезалитый, блестящий лед.

— В произвольной я прыгну пять четверных прыжков. Лутц, флип, два сальхова в каскадах и тулуп. Ни одна женщина в истории не делала этого в тридцать лет.

Жан-Люк поперхнулся кофе: — Ника, дорогая, это самоубийство! Твоя спина... нагрузка на позвоночник при твоём росте колоссальная! Судьи и так отдадут тебе все компоненты за артистизм, твоя грация недостижима для этих малолеток...

— Компоненты не спасают, когда соперницы штампуют квады, Жан-Люк, — холодно отозвалась Ника, легко заскользив по кругу, набирая скорость. Ветер, пахнувший морозом, ударил в лицо, заставив кровь прилить к бледным щекам. — Мне не нужна жалость судей за «красивое катание ветерана». Мне нужно безоговорочное уничтожение.

Она сделала резкий перетяг, разогналась за три мощных шага, вошла в дугу назад-наружу и с оглушительным сухим треском вонзила левый зубец в кристальное полотно.

Взлет.

Тело взмыло в воздух на высоту почти в метр. Четыре молниеносных, идеально плотных оборота в группировке, серебряные волосы полоснули по воздуху — и глухой, безупречно чистый выезд на правую ногу по крутой дуге наружу. Ника вскинула руки, фиксируя позу, словно бросая вызов законам тяготения. Четверной лутц. Самый сложный прыжок в фигурном катании. Выполнен на разминке без единой помарки.

Евгения Моро лишь слегка приподняла подбородок, спрятав тень удовлетворения в уголках губ: — Выезд смазан на полсекунды. Слишком много суеты в корпусе. Еще десять раз, Ника. И включите музыку.

Тренировка продолжалась четыре часа без перерыва. Пот заливал глаза, мышцы бедер жгло раскаленным свинцом, а на пальцах под перчатками лопались мозоли от жесткой шнуровки. Когда в десять утра Ника наконец сошла со льда, ее футболка промокла насквозь.

В холле катка ее уже ждали. Личный ассистент, два охранника и директор ее благотворительного фонда. На улице за тонированными дверями спорткомплекса дежурила толпа репортеров с камерами-телевиками: Франция ловила каждый ее шаг в преддверии олимпийского сезона.

— Ника, дорогая, ты великолепна, — зашебетал ассистент, подавая термос с белковым коктейлем и телефон, на котором непрерывно всплывали уведомления. — Сегодня в два — примерка платьев у Диор для благотворительного гала. В четыре — съемка для обложки *Vogue*, они прислали стилиста из Милана. А вечером...

— Вечером я сплю, Марк, — ровным тоном перебила она, натягивая пальто из кашемира.

— Но там будет вся элита! Тебе передал приглашение лично мэр Парижа... И еще кое-что, — Марк заговорщически понизил голос, протягивая ей тяжелый конверт из фактурной черной бумаги с золотым тиснением. — Испанское посольство. Сегодня в город прилетает Алехандро. Тот самый поп-идол, который сейчас бьет все рекорды в мировых чартах. Он устраивает закрытый акустический концерт перед премьерой своего тура, и его агент звонил трижды, умоляя, чтобы ты пришла. Он сказал, что мечтает познакомиться с «ледяной королевой Франции».

Ника даже не взглянула на конверт. Она взяла его двумя пальцами и равнодушно бросила обратно Марку в руки.

— Мужчины слишком много мечтают, Марк, — холодно бросила она, надевая темные очки и направляясь к выходу, где за стеклом уже сверкали сотни жадных фотовспышек. — А мне нужно спать. Завтра в четыре утра у меня снова четверной лутц.

Она толкнула тяжелые двери, и рев восторженной толпы фанатов за ограждениями оглушил бульвар. Ника одарила их безупречной, царственной, отрепетированной до миллиметра улыбкой, в которой не было ни капли тепла.

Она была недостижима. Она стояла на недостижимой для смертных вершине, абсолютно уверенная в том, что ее железный стержень не согнется никогда.

Она еще не знала, что механизм ее грандиозного крушения уже был запущен.

Глава 2. Тени за стеклом

Серый «Порше» плавно скользил по набережной Орсе, разрезая морозящий парижский полдень. За глухой тонировкой стекол мир казался приглушенным, почти нереальным. Ника положила запястье на руль, чувствуя приятное тепло подогрева: правая рука слегка подрагивала после четырех часов запредельных нагрузок на льду.

Приборная панель вспыхнула мягким неоном. На широком экране бортового компьютера высветилось: **Кейт (FaceTime)**.

Не успела Ника нажать кнопку сброса, как следом прилетел параллельный вызов с пометкой «Срочно» от Милли. Мультимедийная система автомобиля сдалась под натиском группового штурма, и в динамиках салона раздался синхронный, оглушительный визг двух женских голосов.

— Моро, не смей сбрасывать трубку, или я сожгу твой соревновательный комбинезон для короткой программы! — с ходу выпалила Кейт.

— Ника, *bonjour*, дорогая, ты же помнишь, что кармический долг за игнорирование друзей возвращается тройными падениями на тренировках? — мягко, но с железной настойчивостью вклинилась Милли.

Ника тяжело вздохнула, не отрывая взгляда от мокрого асфальта, и покачала головой: — Привет. У меня громкая связь. Марк уже доложил?

— Марк — святой человек, который заботится о твоей несуществующей личной жизни больше, чем ты сама! — затараторила Кейт. — Черный конверт с золотым тиснением! Алехандро! В Париже! В закрытом особняке на авеню Монтень! Ты понимаешь, что туда невозможно попасть даже за чек с шестью нулями? А в приглашении черным по белому написано: «*Мадемуазель Моро плюс два гостя*». Плюс два, Ника! Это мы! Это буквально божественное провидение!

Ника едва заметно улыбнулась уголком губ. В этом циничном, расписанном по секундам мире большого спорта Кейт и Милли оставались ее единственным якорем нормальности — островком тепла, где ее любили не за медали и сто миллионов подписчиков, а просто так.

Они были полной противоположностью друг другу, но составляли идеальный баланс вокруг Ники.

Кейт была стихийным бедствием. Рыжеволосая бестия с россыпью золотых веснушек на бледной, фарфоровой коже и огромными зелеными кошачьими глазами, в которых вечно плясали черти. В ней бурлила безумная смесь ирландской и французской крови. Кейт была молодым, дерзким дизайнером — гением фактур, драпировок и кристального декора. Именно она последние четыре года создавала для Ники соревновательные платья, которые весь фигурнокатательный мир обсуждал громче, чем судейские протоколы.

Их сотрудничество началось, когда Кейт была никому не известной выпускницей школы искусств, перебивавшейся случайными заказами. Но Ника разглядела в ее эскизах бунт: вместо стандартных пачек со стразами Кейт предложила ей сложнейшую анатомическую графику, оптические иллюзии и ткани с эффектом жидкого металла. Когда Ника в ее нарядах взяла свое пятое олимпийское золото и дюжину мировых титулов, мир моды встал на колени. Модные дома дрались за контракт с Кейт, но та неизменно повторяла в интервью: «*Моя единственная муза и холст — это Моро. Остальные пусть стоят в очереди*».

Милли была ее абсолютным антиподом. Спокойная, глубокая, с безупречной осанкой и мягким, обволакивающим голосом. Высокая мулатка с копной роскошных шоколадных кудрей, аккуратными миндалевидными глазами и теплой кожей цвета кофе с корицей. Милли

носила элегантные шерстяные жакеты, минималистичные золотые кольца и тонкие очки в черепаховой оправе.

Она была потомственным интеллектуалом: доктор лингвистики, блестящий полиглот, владевший семью языками (включая латынь и древнегреческий), и самый молодой профессор в Сорбонне. Студенты выстраивались в списки ожидания, чтобы попасть на ее спецкурсы по семиотике и романским языкам. Милли никогда не интересовал блеск софитов, но именно она умела одной тихой, выверенной фразой остудить пыл разбушевавшейся Кейт или собрать в кулак разбитые нервы Ники перед решающими стартами.

— Девочки, я спать хочу, — устало протянула Ника, притормаживая на светофоре у моста Александра III. — У меня в ногах молочная кислота вместо крови. Завтра в шесть утра лед. Какой еще Алехандро? Очередной надушенный эгоист с гитарой, который привык, что женщины падают к его ногам на первом куплете.

— Ника, послушай меня внимательно, — голос Милли в динамиках стал непривычно серьезным, без привычной академической строгости. — Я вчера проверяла курсовые до полуночи, а сегодня приняла три коллоквиума. Я истощена морально. Кейт трое суток не спала, вручную пришивая десять тысяч кристаллов на твой второй костюм. Нам обеим нужна разрядка. Но дело даже не в нас.

Милли сделала крошечную паузу, взвешивая слова: — Ты замуровала себя в склепе, Ника. Твоя жизнь — это каток, дом, физиотерапия и крики твоей мамы про миллисекунды на выезде. Ты не живешь, ты несешь бесконечную вахту. Ты забыла, каково это — надеть красивое платье просто так. Не для судей. Не для спонсоров. А чтобы выпить бокал шампанского, послушать живую музыку и почувствовать себя красивой молодой женщиной, а не гребаным памятником французского спорта.

— И у меня уже готово платье для тебя! — тут же вклинилась Кейт, перехватив инициативу. — Черный шелк, открытая спина, длина в пол, разрез до бедра. Ты в нем убьешь этого испанца на месте, даже не раскрывая рта. Ника, умоляю! Ну хоть на два часа! Появимся, покажемся, выпьем по бокалу, съедим канапе и уедем, если тебе станет скучно. Ну пожалуйста! Ради нас.

Ника посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида. Бледная кожа, тени усталости под глазами. Железный стержень внутри нее, казалось, звенел от постоянного натяжения, как перетянутая струна. Ей действительно было душно. Душно от ожиданий страны, от давящей строгости матери, от надвигающейся шестой Олимпиады, где от нее требовали невозможного.

— Два часа, — сдалась она с тихим вздохом. — Ровно два часа. В десять вечера я вызываю машину и уезжаю спать.

— ДА! — закричала Кейт так громко, что захрипели динамики. — Я выезжаю к тебе с платьем и визажистом! Милли, встречаемся через сорок минут на Сен-Жермен!

Связь оборвалась. В салоне автомобиля снова воцарилась глухая, обволакивающая тишина.

«Порше» встал в плотную пробку на набережной возле музея д'Орсе. Капли дождя лениво чертили дорожки по боковому стеклу, размывая огни парижских фонарей и силуэты спешащих под зонтами прохожих.

Ника повернула голову к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу. Рука машинально скользнула под воротник худи, нащупав под тканью не маленький нательный крестик, а тонкую золотую цепочку, спрятанную глубже. На ней висел старый, потертый кулон в виде крошечного серебряного конька — подарок отца на ее седьмой день рождения.

Пауло Моро.

Единственный человек в этом мире, который никогда не требовал от нее величия.

Он был душой французского фигурного катания — легким, улыбчивым, невероятно пластичным чемпионом, катавшимся сердцем, а не холодным расчетом. Когда Евгения орала на

маленькую Нику за сорванный двойной аксель, запирая ее на катке до полуночи, именно отец тайком пробирался к бортику с горячим шоколадом в термосе и круассаном в кармане куртки.

«Никуша, радость моя, — тихо шептал он ей по-русски, смешно коверкая мягкие звуки своим грассирующим парижским акцентом, — медали ржавеют. Кубки покрываются пылью. Лед тает. Важно только то, что ты чувствуешь, когда летишь надо льдом. Если в твоём сердце нет радости — этот полет ничего не стоит. Не позволяй никому превратить твою любовь к конькам в каторгу. Даже нам с мамой».

Пауло погиб шесть лет назад. Внезапный сердечный приступ прямо на льду, во время тренировки юниоров, которых он обожал. Ему не было и пятидесяти.

В тот день часть души Ники замерзла навсегда. С уходом отца из ее жизни окончательно исчезло тепло. Мать окончательно превратилась в безжалостного генерала, видящего в дочери только инструмент для штамповки рекордов, а сама Ника возвела вокруг своего сердца ледяную крепость, в которую больше никого не впускала. Все мужчины, которые пытались к ней приблизиться позже — лощеные банкиры, самодовольные актеры, политики — видели лишь ее обложку. Ее статус. Ее титулы. Никто из них даже не пытался заглянуть за ледяной фасад и спросить, не болит ли у нее спина и о чем она плачет по ночам.

Ника крепче сжала крошечный конек в кулаке, чувствуя, как острые края врезаются в ладонь.

«Как бы ты мне сейчас был нужен, пап...» — мысленно прошептала она, глядя на серые воды Сены.

Она так отчаянно устала быть сильной. Устала тащить на своих плечах ожидания целой нации. Где-то в глубине души, под всеми слоями стальной брони, маленькая девочка все еще ждала того, кто просто подойдет к бортику, укроет ее плечи теплой курткой и скажет, что ей больше не нужно никому ничего доказывать.

Машина тронулась с места. Ника спрятала кулон обратно.

Глава 3. Черный шелк и мокрый гравий

К пяти вечера выхолощенный, стерильный пентхаус Ники на бульваре Сен-Жермен превратился в штаб-квартиру модного дома в разгар Недели моды.

Входная дверь распахнулась с таким грохотом, будто ее вышибли тараном, хотя это была всего лишь Кейт, увешанная тремя чехлами для одежды, двумя чемоданами с визажной косметикой и бумажным пакетом из кондитерской «Седрик Гроле». Следом невозмутимо вошла Милли. В одной руке у нее был старинный кожаный портфель с конспектами лекций, а в другой — запотевшая бутылка винтажного шампанского *Dom Pérignon*, зажата за горлышко с грацией университетского снайпера.

— Воздуха! Дорогу искусству! — возвестила Кейт, сгружая чехлы прямо на спинку светлого дивана Minotti. — Моро, если ты до сих пор в тренировочных лосинах, я лично вылью этот шампунь тебе на голову!

Ника вышла из ванной, кутаясь в длинный белый махровый халат. Мокрые платиновые волосы были стянуты полотенцем, а на скулах все еще горел румянец после контрастного душа и ледяного массажа.

— Я здесь, перестань орать, — отозвалась Ника, усаживаясь на высокий барный стул у мраморного острова. — И оставь диван в покое.

— Никаких «перестань», — Кейт бросила чемодан на пол и с щелчком расстегнула замки, явив миру целую батарею палеток, кистей, хайлайтеров и флаконов Tom Ford и Byredo. — Милли, откупоривай яд. Нам нужно стереть с лица национальной гордости Франции следы пятисот кругов по льду и превратить ее в женщину, ради которой объявляют войны.

Милли с сухим щелчком сняла фольгу и мягко, без хлопка, с профессиональной точностью освободила пробку. По бокалам из тончайшего хрусталя заструились золотистые пузырьки.

— За капитуляцию перед светской жизнью, — произнесла Милли, протягивая бокал Нике. Ее шоколадные кудри были аккуратно заколоты янтарным гребнем, а на губах играла сдержанная, чуть насмешливая улыбка. — Знаешь, Ника, древние греки верили, что добродетель без удовольствия превращается в порок. Ты слишком долго была добродетельной. Пора выпить.

Ника сделала крошечный глоток. Прохладный, покалывающий язык брют мягко смыл горечь овсянки и утреннего лимона. Мышцы в плечах наконец начали чуть-чуть отпускать стальной зажим.

— Ну ладно, чудовища, — выдохнула Ника, глядя на Кейт. — Показывай, что ты там приволокла.

Кейт замерла. В ее зеленых кошачьих глазах вспыхнул священный огонь творца, перед которым Ника всегда испытывала невольное уважение. Она медленно потянула за молнию центрального, самого тяжелого матового чехла.

Ткань внутри не просто лежала — она казалась живой, переливаясь в свете вечерних люстр тяжелым, жидким блеском.

Это было архитектурное безумие. Кейт не использовала стандартные клише вечерней моды. Никаких пайеток, никакого банального кружева. Платье было скроено из плотного, струящегося итальянского шелка глубочайшего, матового полуночно-черного оттенка, который не отражал свет, а будто поглощал его.

Спереди — глухой, монументальный воротник-стойка в духе византийских одеяний, мягко драпирующийся на груди и подчеркивающий строгую линию плеч. Но вся драма скрывалась сзади: ткань обрывалась на уровне лопаток, обнажая спину до самого основания крестца.

Тончайшая цепочка из черненого серебра пересекала позвоночник по диагонали, лишь подчеркивая идеальный рельеф длинных мышц, выточенных тысячами прыжков. От левого бедра вниз уходил смелый, острый разрез, открывающий при каждом шаге бесконечную ногу.

— Я назвала его «Тень над ареной», — благоговейно прошептала Кейт, сжимая руки на груди. — Плотный тяжелый шелк падает вниз, как вода. При твоём росте в метр семьдесят пять и этих плечах... Боже, Моро, этот испанец забудет, как дышать, на второй секунде.

Ника подошла ближе, коснувшись ткани кончиками пальцев. Шелк был прохладным, тяжелым, струящимся — он скользил по коже с гладкостью идеального льда.

— Ты с ума сошла, Кейт, — тихо сказала Ника, вглядываясь в сложнейшие невидимые швы. — Оно потрясающее. Но разрез...

— Разрез выверен по золотому сечению, — невозмутимо парировала Милли, отпивая из своего бокала. — Я проверила формулу. Все в рамках приличия французского двора эпохи Людовика XIV, если бы у них были такие бедра. Садись в кресло, Ника. Время работает против нас.

Следующие полтора часа превратились в ритуал, знакомый им троим с юности.

Пока Кейт орудовала брашингом и феном, вытягивая платиновые пряди Ники в идеально гладкое, зеркальное полотно цвета расплавленного серебра, Милли колдовала над тоном лица. Они вспоминали, как восемь лет назад ютились в крошечной съемной мансарде на Монмартре, где протекал потолок, а Кейт вручную красила дешевый шифон в эмалированном тазу для первого взрослого чемпионата Ники.

— Помнишь, как краска полиняла прямо перед короткой программой в Хельсинки? — смеялась Кейт, нанося мягкой кистью хайлайтер на точеные ключицы Ники. — Твое платье для образа Кармен стало грязно-фиолетовым! Мы сушили его тремя фенами в гостиничном номере в три часа ночи, а мама Евгения колотила в стену из соседнего номера и грозилась депортировать меня обратно в Дублин первым же паромом!

— Мама помнит это до сих пор, — слабо улыбнулась Ника, закрывая глаза, пока Милли выводила тончайшие, убийственно острые стрелки на ее веках. — Она до сих пор считает, что тот фиолетовый оттенок украл у меня три балла за компоненты.

— Твоя мама считает, что мир был создан за шесть дней, а на седьмой бог пошел тренировать четверной аксель, — фыркнула Кейт. — Открой глаза, Ника. Посмотри на себя.

Ника открыла глаза и взглянула в гримерное зеркало с яркими лампами по периметру.

На нее смотрела незнакомка.

Холодный, фарфоровый тон кожи. Резко очерченные скулы, подсвеченные лунным сиянием. Губы цвета увядшей пыльной розы — естественные, но манящие. Глаза — огромные, прозрачно-голубые, обрамленные графичными черными стрелками — казались бездонными колодцами из чистейшего арктического льда. А тяжелые пряди волос, зачесанные назад за уши и спадавшие по шее, делали ее похожей на валькирию, сошедшую с древних гравюр.

Когда Ника сбросила халат и надела платье, комната замолчала.

Ткань легла на тело как вторая кожа. Без единой складки. Никаких украшений, кроме крошечных сережек-гвоздиков с редкими черными бриллиантами. На ноги она надела минималистичные босоножки Manolo Blahnik на тончайшей десятисантиметровой шпильке — редкая для нее обувь, превратившая ее фигуру в недостижимую вертикаль высотой под метр девяносто.

— Господи помилуй королеву, — тихо выдохнула Милли, отставив бокал. — Ты выглядишь как преступление против мужской нервной системы.

— Точно, — победоносно ухмыльнулась Кейт, которая сама уже переоделась в изумрудный бархатный брючный костюм, идеально гармонирующий с ее рыжими локонами. Милли же выбрала лаконичное платье-футляр цвета горького шоколада с глубоким каре, подчеркива-

ющим ее теплую кожу. — Ну что, девочки? Пора показать испанской эстраде, как выглядит настоящий французский мороз.

Они вышли из парадного в промозглый парижский вечер. У подъезда уже ждал черный удлиненный «Мерседес» S-класса с личным водителем фонда. Дождь почти стих, оставив на асфальте мерцающие черные лужи, в которых дробились неоновые вывески кафе и фонари Сен-Жермен.

Дорога до правого берега заняла двадцать минут. Город за окнами тонул в сумерках и пробках, но внутри теплого салона царило странное, наэлектризованное предвкушение. Кейт без умолку травила байки о капризах богатых клиенток, Милли цитировала любовную лирику Бодлера на безупречном старофранцузском, а Ника молча смотрела на мелькающие огни площади Согласия. Ее пальцы лежали на коленях, сжимая маленький шелковый клатч. Впервые за долгие месяцы ледяной обруч, сжимавший ее виски на катке, ослаб. Ей было просто... любопытно.

Машина свернула на авеню Монтень и плавно затормозила у глухих кованых ворот старинного особняка XIX века — классического *hôtel particulier*, скрытого за высоким каменным забором от праздных глаз туристов.

Здесь все дышало колоссальными, старыми деньгами и закрытой роскошью. За воротами открывался залитый мягким янтарным светом внутренний двор, усыпанный влажным мелким гравием, по которому шуршали шины подъезжающих «Роллс-Ройсов» и «Бентли». Высокие стрельчатые окна особняка сияли золотом, сквозь тяжелый бархат портьер доносились приглушенные звуки живого джазового оркестра и испанской гитары, а воздух вокруг благоухал ароматами дорогих сигар, мокрого самшита и нишевого парфюма.

Вдоль фасада стояли массивные охранники в глухих черных костюмах с наушниками-спиралями, мягко отсекая единичных папарацци, дежуривших у въезда.

Водитель вышел и распахнул заднюю дверь.

Холодный вечерний воздух коснулся обнаженной спины Ники, заставив кожу мгновенно покрыться мурашками. Она расправила плечи, вскинула подбородок, привычным движением натянув на лицо маску идеального, царственного спокойствия, и поставила тонкий каблук на мокрый парижский гравий.

Глава 4. Вспышка в темноте

Если рай для гедонистов и существовал на земле, то в этот вечер он арендовал старинный особняк на авеню Монтень.

Когда массивные дубовые двери с позолоченными вензелями распахнулись, в лицо ударила волна теплого, вибрирующего воздуха, сотканного из терпкого аромата цветущих белых тубероз, дорогого табака, серой амбры и звона сотен тончайших бокалов *Baccarat*.

Внутри особняк напоминал ожившую шкатулку эпохи Наполеона III: взмывающие ввысь мраморные своды, затейливая лепнина, покрытая сусальным золотом, гигантские каскадные люстры из муранского стекла, чей свет дробился в огромных венецианских зеркалах, и широкая парадная лестница из каррарского мрамора, устланная винным бархатным ковром.

Здесь не было случайных людей. Среди гостей мелькали лица оscarоносных режиссеров, топ-моделей в кутюре, арабских принцев и завсегдатаев списков *Forbes*. Но в тот миг, когда на верхней ступени лестницы появилась Ника Моро, шелест светских бесед на несколько секунд словно споткнулся о собственное эхо.

При ее росте и десятисантиметровых шпильках она возвышалась над толпой. Черный тяжелый шелк платья струился водопадом, открывая при каждом шаге точеную, бесконечную линию бедра, а абсолютно обнаженная спина с тонкой серебряной нитью вдоль позвоночника притягивала взоры сильнее магнита. Она выглядела не как гостья — как правящая королева, удостоившая своих подданных визитом.

— Святая Дева Мария, Моро, — прошептала Кейт, вцепившись в ее локоть с хищным восторгом. — Смотри на них. Они буквально захлебываются собственной слюной. Мужчины забыли, как моргать, а женщины судорожно вспоминают, записались ли они на пилатес в понедельник.

— С точки зрения антропологии это называется параличом хищников перед абсолютным доминантным видом, — тихо и совершенно невозмутимо добавила Милли, перехватив с подноса проходящего мимо официанта сразу два бокала ледяного шампанского. — Держи, Ника. Твоя мама сейчас далеко, протоколы олимпийского комитета еще дальше, а нам нужно акклиматизироваться в этом вертепе тщеславия.

Ника рассмеялась — искренне, впервые за долгие месяцы отпустив внутренние тормоза. Этот чистый, грудной смех заставил нескольких лощеных господ у подножия лестницы синхронно повернуть головы и потерять нить собственных разговоров.

Вечер закружил их стремительным, пьянящим вихрем.

Первый бокал растопил лед многомесячной диеты, второй — смысл въевшуюся в связки усталость. Кейт не умолкала ни на секунду, язвительно комментируя наряды парижских аристократок («Милли, посмотри на мадам де Бретей, она натянула на себя столько тюля, что похожа на агрессивный свадебный торт»), Милли с безупречным акцентом поправляла испанского дипломата, цитировавшего Сервантеса с грамматической ошибкой, а Ника... Ника просто танцевала.

Она забыла, каково это — двигаться не по чертежам строгих элементов, не считая обороты в секунду, а подчиняясь ритму, смеясь вместе с подругами, чувствуя, как прохладный шелк ласкает бедра, а кровь пульсирует в кончиках пальцев.

Где-то около одиннадцати вечера один из приглашенных фотографов парижского *Vogue*, поймав момент, когда Ника обернулась через плечо, запрокинув голову от шутки Милли — серебряный водопад волос, обнаженная спина, точеный профиль и ледяной, дерзкий огонь в голубых глазах — сделал один-единственный кадр.

Через десять минут интернет взорвался.

— Моро! — завопила Кейт, пробиваясь сквозь танцующую толпу с экраном телефона, сияющим в темноте зала. — Твой Марк звонит мне уже шестнадцатый раз! Смотри!

Ника бросила взгляд на дисплей. Фотография, опубликованная официальным аккаунтом издания с лаконичной подписью: *«Богиня французского льда сошла на грешную землю. Ника Моро в наряде от Кейт ОКоннор на закрытом вечере в Париже»*, за двадцать минут набрала три миллиона лайков.

К полуночи эта цифра перевалила за десять. Модные критики в твиттере захлебывались от восторга, называя образ «главным модным потрясением десятилетия», серверы крошечного ателье Кейт рухнули от десятков тысяч предзаказов со всего мира, а телефон самой Ники разрывался от сотен уведомлений: агенты, бренды, мировые издания, коллеги по спорту — мир буквально сходил с ума, поклоняясь ее недосягаемой, хищной красоте.

Но среди всего этого безумия, среди сотен восхищенных, жадных, завистливых глаз, скользивших по ее телу весь вечер, был один взгляд.

Особый.

Он не скользил — он впивался. Жег обнаженную кожу между лопатками, словно каленое железо.

В центре зала, у импровизированной сцены с винтажным белым роялем, стоял Александр.

Испанец был неприлично, преступно хорош собой той опасной южной красотой, от которой у женщин перехватывало дыхание. Высокий, с широким разворотом плеч, в расстегнутой на две пуговицы шелковой кремовой рубашке, открывающей бронзовую шею, и идеальных черных брюках. Небрежная волна смолых кудрей падала на высокий лоб, резкие, породистые скулы оттеняла аккуратная щетина, а темно-карие, почти черные глаза смотрели на Нику через весь зал с такой неприкрытой, хищной, ненасытной жадью, что воздух между ними казался наэлектризованным до треска.

Когда он взял акустическую гитару и запел, в особняке замолчали даже самые спесивые критики.

Его голос был чистым бархатом — низким, с хрипотцой, вибрирующим от первобытной страсти. Он пел на испанском, и каждое слово, каждый полувдох, каждый аккорд он направлял только в одну точку зала. В нее. Он пел, не сводя с Ники тяжелого, обжигающего взгляда, бросая вызов ее ледяной броне, раздевая ее глазами под ритмичный бой струн, заставляя весь зал понимать: сегодня здесь существует только одна женщина, ради которой поет этот мужчина.

Музыка сменилась быстрыми, тягучими ритмами фламенко и современного латино. Ника танцевала, кружась в объятиях Кейт и Милли, смеялась, пила шампанское, но каждый раз, оборачиваясь, встречала его глаза. Это была немая, тягучая дуэль, от которой под кожей разливался дурманящий, пьяный жар.

К половине первого ночи в зале стало невыносимо душно.

Шампанское шумело в висках приятной волной, тело гудело от непривычной свободы, а щеки пылали. Ника тихо шепнула Кейт, которая уже увлеченно кокетничала с молодым французским актером: — Я на воздух. На пять минут. Голова кружится.

Она выскользнула из душного, благоухающего зала в длинную галерею и толкнула высокую стеклянную дверь, ведущую на грандиозный балкон из темного резного камня, нависавший над ночным садом.

Ночной Париж встретил ее освежающей, влажной прохладой. Морось утихла, и в небе над верхушками каштанов проглядывали редкие звезды. Ника подошла к каменному парапету, оперлась на него ладонями и с наслаждением запрокинула голову, подставляя разгоряченное лицо и обнаженную шею ночному ветру.

Холодный воздух коснулся обнаженной спины, вызвав сладостную, резкую дрожь. Она закрыла глаза, слушая, как где-то внизу шелестит мокрый гравий, а из глубины особняка доно-

сятся приглушенные басы музыки. Ей было хорошо. Впервые за годы она чувствовала себя не олимпийской функцией, а живой, желанной, настоящей женщиной.

Тихий шаг по каменным плитам за спиной заставил ее замереть. Ника не успела обернуться — воздух вокруг внезапно сгустился, наполнившись запахом дорогого табака, кедра и обжигающей терпкости испанского парфюма.

Тепло чужого тела накрыло ее сзади почти вплотную. Она почувствовала, как между ее обнаженной кожей и его грудью не осталось и сантиметра пространства — лишь жар, прожигающий тонкий шелк платья.

— *Dios mío...* — раздался прямо над ее ухом низкий, бархатный, хриплый шепот, от которого у нее внутри все оборвалось и ухнуло в пустоту. Горячее дыхание обожгло мочку уха и чувствительную ямку на шее, заставив каждую волосинку на теле встать дыбом. — Ты весь вечер сводишь меня с ума, Ника. Весь этот чертов вечер.

Алехандро не коснулся ее руками — он оперся широкими ладонями о каменный парапет по обе стороны от ее талии, заперев ее в ловушке собственного тела, не давая отступить.

Ника резко выдохнула, медленно повернув голову. Их лица оказались в считанных миллиметрах друг от друга. В полумраке ночи его темные глаза полыхали опасным, первобытным огнем, в котором не было и тени светской сдержанности. В них была чистая, необузданная страсть мужчины, привыкшего брать то, чего он желает.

Его взгляд медленно, не скрываясь, скользнул по ее приоткрытым губам, спустился к тонкой шее, жадно очертил ключицы и снова вернулся к ее голубым, расширенным от адреналина глазам.

— Говорят, ты изо льда, — его голос понизился до глухого, вибрирующего рокота, от которого по спине Ники пробежала электрическая волна, концентрируясь где-то внизу живота тягучим, сладким напряжением. Алехандро наклонился еще ближе, его губы почти коснулись ее виска, посылая по телу дрожь. — Но я стоял там и видел, как ты дышишь. Видел, как горит твоя кожа. Скажи мне, королева... чего ты хочешь? Имя, город, звезду с неба? Я готов вырвать этот чертов мир с корнем и бросить к твоим ногам прямо сейчас. Только улыбнись мне так, как улыбалась там, в зале. Для меня одного.

Глава 5. Хрустальная ловушка

Воздух на балконе сделался густым и тягучим, точно патока. Он искрил, звенел натянутой до предела струной, готовой вот-вот лопнуть от невыносимого напряжения.

Ника медленно повернулась в кольцо его сильных рук, прижавшись поясницей к холодному каменному парапету. Теперь они стояли лицом к лицу — так близко, что тончайший черный шелк ее платья при каждом вдохе касался кремовой ткани его расстегнутой рубашки.

От Алехандро исходил обжигающий, пьянящий жар. Запах можжевельника, горького кофе, дорогого табака и чистого, концентрированного мускуса забивал легкие, лишая способности рассуждать здраво. В темноте его глаза казались бездонными колодцами из расплавленного янтаря: они скользили по ее лицу с неприкрытым, хищным голодом, заставляя кровь в венах Ники превращаться в раскаленную лаву.

Она привыкла контролировать каждое движение мышц, удерживать баланс на лезвии толщиной в три миллиметра на скорости сорок километров в час. Но прямо сейчас ее собственный пульс выбивал дикую чечетку в горле, а по обнаженной спине, которую обдувал ночной парижский ветер, бежали сладкие, колючие мурашки от одного лишь взгляда этого мужчины.

— Ты не ответила, — пророкотал Алехандро.

Его голос опустился на октаву ниже, завибрировав где-то под ребрами Ники тягучей, темной истомой. Он медленно, не отрывая взгляда от ее расширенных зрачков, оторвал одну руку от перил. Длинные, смуглые пальцы музыканта — с серебряным перстнем на указательном — зависли в миллиметре от ее шеи, не касаясь, но очерчивая линию челюсти жаром своего тепла.

— Я не привыкла загадывать желания незнакомцам, — парировала Ника.

Ее голос звучал ровно, с той самой фирменной ледяной грацией, но предательская глубина вдоха выдала ее с головой. Она чувствовала, как между ними буквально вспыхивают невидимые электрические разряды. Это было первобытное, осязаемое физическое притяжение — из тех, что сносят защитные дамбы за считанные секунды.

— Значит, сделай меня своим знакомым, — выдохнул он с полуулыбкой, полной опасного, животного шарма.

Его пальцы наконец сдались искушению: кончики коснулись ее обнаженной ключицы. Легкое, почти невесомое прикосновение отозвалось в теле Ники оглушительной волной жара, сосредоточившейся внизу живота пульсирующей судорогой. Алехандро подался вперед, сокращая последнее расстояние между ними.

Его дыхание обожгло ее приоткрытые губы. Он замер в волоске от поцелуя — там, где двое уже делят один воздух на двоих. Его глаза потемнели до цвета ночного неба над Парижем, а в уголках чувственных губ дрогнуло предвкушение победы. Он был уверен: еще мгновение — и ледяная королева растает в его руках, запрокинет голову и позволит взять то, чего они оба сейчас безумно, до боли желали.

Алехандро прикрыл глаза, готовясь накрыть ее губы своими.

Ника медленно приподняла ладонь. Ее длинные, изящные пальцы с идеальным молочным маникюром легли на его широкую грудь, аккуратно уперевшись прямо в область бешено колотящегося сердца.

Она не оттолкнула его. Она просто не позволила сделать этот последний миллиметр.

Испанец распахнул глаза, нахмурившись от внезапной преграды, и в этот момент Ника одарила его улыбкой. Не той отрешенной для камер полуулыбкой чемпионки, а дерзкой, дразнящей, полной осознания своей безграничной власти.

Она подалась чуть ближе — так, что ее губы едва мазнули по его колючей щеке возле самого уха — и прошептала бархатным, интимным полупшепотом, обдавшим его кожу морозной свежестью: — Не скучай без меня. Я только освежу помаду... и вернусь. Жди здесь.

Алехандро судорожно выдохнул, завороченный ее близостью. Его пальцы рефлекторно разжались, отпуская шелк ее платья.

Ника скользнула под его рукой с грацией дикой кошки. Одно плавное, текучее движение — и она уже стояла в двух шагах от него у стеклянных дверей, сияя в полумраке обнаженной спиной и серебром волос. Оглянувшись через плечо, она бросила на него долгий, обжигающий взгляд из-под ресниц и растворилась в золотом сиянии банкетного зала.

Она не пошла в дамскую комнату.

Держа спину королевски прямой, Ника пересекла танцпол, перехватив взглядом Милли, которая вела неторопливую беседу с французским критиком у колонны. Ника едва заметно кивнула подруге и показала глазами на выход, приложив два пальца к груди: «*Я ухожу, прикройте*». Милли всё поняла без слов — ее брови взлетели вверх в немом удивлении, но на губах тут же расплылась понимающая, азартная улыбка.

Минуя парадную лестницу и ошеломленных охранников, Ника выскользнула через боковой выход на влажный ночной воздух. Водитель черного «Мерседеса» среагировал мгновенно, распахнув перед ней тяжелую дверь.

Ника села на мягкую кожу заднего сиденья, сбросила узкие туфли на шпильке и с наслаждением поджала под себя бесконечные ноги. Автомобиль мягко тронулся, шурша шинами по гравию, и выкатился на ночную авеню Монтень.

В полумраке салона Ника взглянула на свое отражение в тонированном стекле. Ее щеки пылали, зрачки были огромными, а на губах цвела торжествующая, дикая, абсолютно счастливая улыбка победительницы. Она не отдала ему эту партию. Она перевернула доску в самый кульминационный момент, оставив его задыхаться от нетерпения на холодном ветру.

Адреналин бурлил в крови сильнее, чем после чистого четверного лутца. Она чувствовала себя живой. Непобедимой. Желанной.

На балконе особняка прошло ровно пятнадцать минут.

Осенний парижский ветер успел выстудить горячий камень, но кровь Алехандро по-прежнему бурлила, как молодое испанское вино. Он усмехнулся себе под нос, глядя на темные кроны каштанов: «*Чертовски хороша. Но слишком долго*».

Поправив воротник рубашки, певец уверенной, ленивой походкой вошел обратно в зал. Его темные глаза принялись сканировать пространство: скользнули по танцующим парам, проверили зону у рояля, галерею возле бара. Ни платиновых волос. Ни черного шелка. Ни следа.

Он нахмурился. Легкое самодовольное раздражение сменилось острым уколом уязвленного эго. Мужчины с его лицом и статусом не ждали женщин на балконах — женщины дрались за право войти в его гримерку.

Его взгляд зацепился за изумрудный бархатный костюм Кейт. Рыжеволосая создательница шедевра стояла у мраморного бара, неспешно потягивая коктейль через тонкую трубочку и весело переглядываясь с Милли.

Алехандро подошел широкими, решительными шагами, прорезая толпу, точно крейсер. Вокруг него мгновенно сгустилась аура нетерпеливого, властного напряжения.

— Где она? — спросил он без предисловий, оперевшись ладонью о барную стойку прямо рядом с Кейт.

Его акцент стал острее, а в темных глазах полыхал неподдельный, жадный огонь поиска.

Кейт медленно повернула голову. Ее зеленые кошачьи глаза смерили мировую звезду с головы до ног с неприкрытой иронией. Она ни капли не смутилась под его тяжелым, гипнотическим взглядом — напротив, на ее веснушчатом лице расцвела широкая, озорная улыбка.

— Кого вы ищете, сеньор? — невинно поинтересовалась она, постукивая длинным ноготком по своему бокалу.

— Ты прекрасно знаешь, кого. Нику.

Милли, стоящая рядом, тихо спрятала смешок за страницами маленького блокнота в кожаном переплете.

Кейт сладко вздохнула, сокрушенно покачав рыжей головой, словно объясняла очевидные вещи непонятливому ребенку: — О, дорогой... Видишь ли, у нашей Золушки слишком плотный спортивный режим. Ровно в полночь ее карета превращается в три часа сна перед утренней подкаткой. Она уехала домой двадцать минут назад.

Алехандро замер. На его породистом, холеном лице на долю секунды отразился чистейший, неподдельный шок. Его бросили. Просто развернулись и ушли, оставив его мерзнуть на террасе со стоящим комом в горле от несостоявшегося поцелуя.

— Но не расстраивайся так сильно, — Кейт лукаво подмигнула ему и элегантным жестом указала на край мраморной стойки. — Она оставила тебе свою хрустальную туфельку.

На полированном черном мраморе стоял тонкий, изящный бокал из граненых хрустальных лепестков. На самом доньшке еще искрились остатки золотистого шампанского, а на тонком стеклянном ободке четко, соблазнительно и дерзко алел четкий след ее губной помады цвета пыльной увядшей розы.

Алехандро медленно перевел взгляд с насмешливого лица Кейт на оставленный бокал.

Шок медленно уступил место чему-то совершенно иному. В глубине его зрачков вспыхнуло дикое, пьянящее пламя азарта. Зверь внутри него, давно дремавший от легких побед и доступных женщин, вдруг расправил плечи и зарычал.

Он протянул руку и медленно, кончиками пальцев поднял хрустальную ножку бокала. Поднес к лицу, уловив на тонком стекле едва заметный, призрачный шлейф ее духов — ледяные цитрусы и белый мускус.

В уголках его губ медленно, неотвратимо расплзлась опасная, предвкушающая, хищная улыбка.

Она думала, что выиграла эту партию, сбежав в ночь. Она даже не представляла, что только что превратила мимолетный флирт в охоту всей его жизни.

— Сыграем, королева, — тихо, сквозь зубы шепнул Алехандро прямо в хрустальный ободок бокала, коснувшись большим пальцем следа ее помады. — Посмотрим, сколько четверных прыжков спасет тебя от меня.

Глава 6. Лёд и раскалённый воск

Будильник в четыре тридцать утра прозвучал не просто звонком — он показался выстрелом в упор.

Ника с трудом разлепила веки. Голова была на удивление ясной, но в теле тлела непривычная, сладкая истома. Мышцы помнили не только вчерашний лёд, но и пьянящую легкость танцев, прохладный шелк платья и... жар. Обжигающий, плотный жар мужского тела, прижавшегося к ней на ветреном балконе. Воспоминание о низком бархатном шепоте Алехандро прокатилось по коже резкой волной мурашек, заставив соски затвердеть под тонкой тканью пижамы.

Ника тряхнула головой, прогоняя наваждение: — Соберись, Моро. Ты чемпионка, а не сентиментальная школьница.

Но на катке в Булонь-Бийанкур ее ждал персональный филиал ада.

Евгения Моро не просто стояла у бортика — она возвышалась над ним, подобно гранитному утесу посреди шторма. В руках матери был планшет, на экране которого светилась та самая злополучная фотография из *Vogue*. Пятнадцать миллионов просмотров. Десятки тысяч комментариев.

— Ты продала двадцать лет каторги за один вечер дешевого триумфа? — ледяной голос матери разрезал морозный воздух пустой арены, как скальпель.

Ника молча затягивала шнурки, не поднимая глаз.

— Посмотри на меня, Ника! — рывкнула Евгения так, что под куполом катка испуганно метнулось эхо. — Полгода до Олимпиады! Твои связки изношены, кости держатся на кальциевых добавках, а ты шатаешься по ночным притонам в платье, где ткани меньше, чем на носовом платке! Вся Франция обсуждает не твой четверной лутц, а твою голую спину и разрез до трусов! Ты хочешь закончить как цирковая собачка для таблоидов?

— Это был благотворительный вечер, мама, — спокойно, сдерживая дрожь в голосе, ответила Ника, поднимаясь на лезвия. — Я выпила два бокала и уехала в полночь.

— В полночь! — Евгения с грохотом швырнула планшет на судейский стол. — В полночь спортсменки твоего уровня должны видеть третий сон! На лёд. Быстро. Семь прокатов короткой программы целиком. Без пауз на воду. Если сорвешь хоть один каскад — будешь прыгать до тех пор, пока колени не вывернутся наружу.

Это была не тренировка — это была экзекуция.

Мать выжимала из нее все соки. Каждый толчок отзывался тяжестью в икрах, в легких горел морозный огонь. Но парадокс заключался в том, что злость и бурлящий в крови адреналин дали обратный эффект: Ника летела над ареной со звериной яростью. Четверной тулуп — идеальное приземление, глухой шелест лезвия о хрустальную гладь. Четверной сальхов — вкрутилась в воздух, как винт, и выехала на чистой дуге, взметнув фонтан ледяной пыли прямо к ногам матери.

Когда спустя три часа Евгения сухо бросила: «*На сегодня хватит. Завтра в шесть ноль-ноль*» и зашагала к выходу, Ника буквально рухнула на деревянную лавку в раздевалке.

Она стянула коньки, опустив пылающие стопы в таз со льдом, откинула голову на холодную плитку стены и прикрыла глаза.

Телефон на соседней скамейке зашевелился, как безумный.

Экран вспыхнул групповым видеозвонком: «Грешницы Сен-Жермен».

Ника с трудом дотянулась до аппарата и нажала зеленую кнопку. На экране тут же возникли два лица: Кейт — взъерошенная, в шелковом халате с перьями, с чашкой кофе в одной

руке и тлеющей сигаретой в другой, и Милли — уже сидевшая в своем университетском кабинете в безупречной белой блузке на фоне бесконечных книжных полок Сорбонны.

— О, великая мученица французского спорта соизволила явить свой лик! — заголосила Кейт, прищулив зеленые кошачьи глаза. — Ну что, тебя уже лишили гражданства за разврат? Мама Евгения расстреляла тебя у борта или пока только сослала в Сибирь?

— Почти, — хрипло отозвалась Ника, растирая ноющие плечи. — Заставила катать короткую семь раз подряд. Я не чувствую ног.

— Физические страдания очищают душу, дорогая, — с академической невозмутимостью заметила Милли, поправляя тонкие очки. — Однако в академических кругах сейчас куда больше обсуждают герменевтику твоего вчерашнего побега. Кейт утверждает, что ты устроила там шекспировскую драму.

— Какая к черту драма, Милли! — Кейт едва не расплескала кофе на экран. — Ника, ты вообще понимаешь, что ты натворила?! Ты сломала Алехандро! Уничтожила его мужскую прошивку! Ты бы видела его лицо, когда он подошел ко мне на баре! Он стоял, сжимая этот чертов бокал с твоей помадой, как будто это Священный Грааль, а в глазах читалось: *«Я найду эту женщину и привяжу ее к своей постели»!*

— Кейт, ради бога, прекрати свои эротические фантазии, — слабо усмехнулась Ника, чувствуя, как предательский румянец снова заливает щеки. — Мы просто поговорили на балконе две минуты.

— «Просто поговорили»?! — передразнила Кейт. — От вас искры летели такие, что у официантов шампанское в ведерках закипало! Мне сегодня с девяти утра оборвал телефон его личный ассистент. Они пытались выведать твой домашний адрес, график тренировок, породу твоей несуществующей собаки и даже номер твоего мастера по педикюру! Я, естественно, держала оборону, как Брестская крепость, и потребовала пожизненную ложу на всех его мировых концертах в обмен на молчание.

— Кейт, скажи, что ты ничего ему не дала, — напряглась Ника, выпрямляясь на скамейке.

— Не дала! — Кейт картинно прижала ладонь к сердцу. — Я продажная женщина, Ника, но подруг не сливаю задешево. Зато Милли...

Ника перевела взгляд на второй экран. Милли невинно перелистнула страницу старинного фолианта и сделала глоток зеленого чая.

— Милли?!

— Ника, как филолог, я презираю недосказанность в хороших романах, — мягко парировала Милли, даже глазом не моргнув. — Его агент позвонил на кафедру романских языков под видом спонсора гуманитарных программ. Я всего лишь намекнула, что величайшие балерины и фигуристки мира всегда остаются в одиночестве на арене во второй половине дня, когда обычный люд уходит на обед. Это классический троп куртуазной любви. Рыцарь должен знать координаты башни, в которой томится дама.

— Вы обе ненормальные, — простонала Ника, закрывая лицо ладонями.

— Мы спасаем твою увядающую молодость, Моро! — отрезала Кейт. — Всё, мне пора в мастерскую, меня осаждают байеры из Милана, которые требуют повторить «то самое черное платье Ники». Жди новостей, королева. Игра только началась!

Экран погас.

В раздевалке снова воцарилась тишина. Ника вытащила онемевшие от ледяной воды ноги из таза, вытерлась махровым полотенцем и медленно переоделась в мягкий кашемировый костюм цвета графита. Было около двух часов дня. Каток опустел: утренняя смена фигуристов уже ушла, а детские группы должны были зайти на лед только к четырем.

Ника взяла сумку и толкнула тяжелую дверь, ведущую обратно к чаше катка — через нее лежал самый короткий путь к подземной парковке.

Она сделала шаг в полумрак огромного зала и замерла как вкопанная.

Воздух на арене изменился.

Привычный запах хлора, аммиака и замерзшей воды был напрочь вытеснен чем-то другим — плотным, дурманящим, пьянящим ароматом. Это был запах сотен... нет, тысяч свежих, истекающих соком цветов, смешанный с горьким благовонием ладана и терпкого кедра.

Ника медленно подошла к бортику, и ее сердце пропустило глухой, тяжелый удар.

Олимпийский каток преобразился до неузнаваемости.

Весь деревянный борт по периметру — все двести метров белоснежного овала — был усыпан гигантскими, бархатными, почти черными розами сорта *Black Baccara*. Тысячи тяжелых бутонов лежали на перилах, свисали каскадами, устилали кромку поля, превращая спортивную арену в грандиозный, декадентский театр.

Основной верхний свет был погашен. Горели лишь нижние дежурные прожекторы теплого янтарного оттенка, создавая интимную, густую полутьму.

А в самом центре ледовой арены, на идеально залитом зеркале, стояла одна-единственная вещь.

Небольшой столик из черного стекла.

На нем мягко мерцало пламя массивной ароматической свечи из пчелиного воска, а рядом покоился тот самый граненый хрустальный бокал с вчерашнего вечера. Но теперь он не был пуст. Внутри лежала тончайшая, винтажная цепочка из белого золота с подвеской в виде лезвия конька, усыпанного микроскопическими черными бриллиантами. А под бокалом белела карточка из плотной тисненой бумаги.

Ника стояла у борта, чувствуя, как кровь стучит в висках с силой отбойного молотка. В тишине гигантского пустого зала каждый ее вдох казался оглушительным.

Она наступила на лед в обычных кроссовках — подошва слегка проскользнула, но многолетнее чувство баланса удержало ее. Медленно, шаг за шагом, шурша резиной по холодному полотну, Ника дошла до центра площадки.

Ее пальцы, чуть подрагивая, потянулись к карточке. На ней четким, дерзким, размашистым почерком на испанском и французском было выведено всего три строчки:

«Твой лед слишком холоден для тебя одной, Ника. Ты оставила бокал, но забыла главное — меня невозможно прогнать, не оставив следа. Обернись».

По спине Ники пробежала ледяная судорога предвкушения.

Прежде чем она успела повернуться, под сводами пустой арены ожила мощная акустическая система. Никаких попсовых битов, никаких клубных ритмов. Из колонок полились первые, пронзительные, хриплые звуки испанской гитары — живой, записанной без обработки, невероятно интимной. А следом зазвучал его голос. Он пел а *carpella*, низко, на грани шепота, вкладывая в каждую фразу такую первобытную тоску и неистовое вожделение, что воздух вокруг столика, казалось, начал плавиться.

Из тени гостевой трибуны отделился силуэт.

Алеjandro не спешил. Он шел по резиновому настилу у борта уверенной, вальяжной походкой хищника, вышедшего на верную добычу. На нем было длинное черное пальто поверх простой черной водолазки, подчеркивающей широкие плечи, а смоляные кудри небрежно падали на лоб. В полумраке его глаза полыхали тем же неуправляемым, опасным огнем, что и вчера на балконе.

Он распахнул калитку борта и без тени сомнения шагнул прямо на лед в своих тяжелых кожаных ботинках.

Скользкая поверхность не смутила его — он шел прямо к ней, не сводя взгляда с ее расширенных, потемневших глаз. С каждым его шагом расстояние между ними таяло, а сексуальное напряжение в воздухе натягивалось, как тетива, грозя разорвать сердце Ники на куски.

Он остановился в полушаге.

Настолько близко, что Ника снова почувствовала его обжигающее дыхание, пахнущее крепким эспрессо и табаком. Алехандро опустил взгляд на ее губы, затем медленно поднял его к глазам, и на его чувственном лице расплылась темная, торжествующая усмешка.

— Ты думала, я позволю тебе просто так сбежать в ночь, королева? — его голос прозвучал ниже, чем звуки гитары из динамиков, заставив все тело Ники отозваться глухой, тягучей дрожью внизу живота.

Он протянул руку и медленно, властно взял ее за запястье. Его пальцы были горячими, как раскаленное железо на морозном воздухе. Он не тянул ее силой, но прикосновение было настолько собственническим, что у Ники перехватило дыхание.

— Твоя мать может ломать твои кости на тренировках, — прошептал Алехандро, сокращая последний сантиметр между их телами так, что его грудь коснулась ее груди, — но твое сердце... твое сердце заберу я. Даже если для этого мне придется растопить весь этот чертов каток.

Он потянул ее руку вверх и прижал ладонь Ники к своей груди — прямо туда, где под тонкой тканью водолазки его собственное сердце колотилось с бешеным, яростным, нечеловеческим ритмом.

Ника попыталась вдохнуть ледяной воздух арены, но легкие заполнил только он. Ловушка захлопнулась, и на этот раз у нее не было ни сил, ни малейшего желания из нее бежать.

Глава 7. Волна и шёпот

Его пальцы на ее запястье жгли так, будто между ними не было морозного воздуха пустой арены — только чистый, безумный электрический ток.

Ника застыла. Под ее ладонью его сердце колотилось с яростной силой, отбивая синкопированный ритм фламенко. Она чувствовала через тонкую шерсть его водолазки каждую пульсацию, каждый судорожный вдох. В воздухе стоял густой, почти осязаемый дурман роз и ладана, заставляющий кружиться голову сильнее, чем после пятого оборота в воздухе.

— Ты сумасшедший, Алехандро, — выдохнула она, но не отняла руку. Ее голос дрогнул, обнажая предательскую трещину в ледяном монолите.

— Только рядом с тобой, — усмехнулся он. Его взгляд скользнул по ее губам, приоткрытым от волнения. — Собирайся, Ника. Твоя каторга на сегодня окончена.

— У меня режим. Мне нужно домой, физиотерапевт...

— К черту физиотерапевта. Сегодня твоим врачом буду я, — он не дал ей договорить. Мягко, но с неотвратимым нажимом испанец потянул ее за собой со льда.

Ника попыталась включить привычное сопротивление, но тело отказывалось повиноваться спортивным установкам. Впервые в жизни ей отчаянно хотелось нарушить правила. Алехандро накинул на ее плечи теплое пальто, перехватил спортивную сумку и, не обращая внимания на ее полусутильные протесты, вывел через служебный выход к черному тонированному внедорожнику.

Париж тонул в густых синих сумерках, когда машина свернула с набережных к закрытому частному причалу возле моста Гренель.

— Что это? — Ника посмотрела в окно.

У деревянного пирса покачивалась на черной воде двадцатиметровая моторная яхта из темного углепластика и тика — хищная, стремительная, с глухой подсветкой цвета жидкого золота вдоль ватерлинии. Никаких вывесок, никаких зевак. Только всплески темной сены и два матроса в строгой морской форме, вытянувшиеся у трапа.

— Мое убежище, пока я в этом городе, — Алехандро вышел из машины, распахнул ее дверь и протянул ладонь. — Добро пожаловать на нейтральную территорию, королева. Здесь нет ни твоей матери, ни судей, ни прессы. Только вода.

Когда трап остался позади, а тяжелые двигатели глухо заурчали, уводя судно на середину реки, Ника почувствовала, как внешняя реальность окончательно отсекается густой водой.

Внутренний салон яхты дышал сдержанной, порочной роскошью: отделка из темного ореха, мягкая белая кожа диванов, мерцание скрытых ламп и панорамное остекление, за которым плыл подсвеченный огнями вечерний Париж. На низком столике уже стояли ледяное ведро с белым бургундским вином, плато с морскими ежами, дикими устрицами и тончайшими ломтиками хамона иберико.

— Ты всегда крадешь женщин среди бела дня? — спросила Ника, сбросив пальто и оставшись в уютном графитовом костюме, который, впрочем, облегал ее высокую фигуру не менее соблазнительно, чем вчерашнее вечернее платье.

Алехандро сбросил пиджак, оставшись в свободной рубашке, закатал рукава до локтей, обнажая сильные предплечья с тонкими венами, и наполнил два хрустальных бокала: — Только тех, кто пытается сбежать через балкон, оставив на стекле след помады. Знаешь, сколько часов я не спал из-за этого следа?

— Надеюсь, ты провел их с пользой. Например, репетировал новые песни, — парировала она, пригубив вино. Прохладная минеральная кислинки идеально подчеркнула вкус морепродуктов.

— Я пытался писать, — он оперся бедром о край стола, не сводя с нее обжигающего, ленивого взгляда хищника. — Но каждая чертова нота звучала как твое имя. Гитара фальшивила, потому что мои пальцы помнили холод каменных перил и запах твоих волос. Ты ведь знала, что делала, Ника. Ты бросила мне вызов.

— Я просто уехала спать, — Ника рассмеялась, запрокинув голову. В ее смехе звенели кокетство и пьянящая женская власть, которой она никогда прежде не пользовалась в полную силу. — В отличие от тебя, мне нужно прыгать четверные, а не стоять у микрофона с томным видом.

— «С томным видом»? — Алехандро притворно возмутился, и в его темных глазах вспыхнули лукавые искры. — Мадемузель Моро, я собираю стадионы по восемьдесят тысяч человек! Женщины в обморок падают, когда я беру верхнее «ля»!

— Значит, у них проблемы с вестибулярным аппаратом, — хмыкнула Ника, отправляя в рот устрицу. — Пусть покрутят двадцать оборотов на льду, тогда поговорим.

Алехандро расхохотался — громко, раскатисто, обнажая ровные белые зубы. Напряжение между ними медленно трансформировалось в ту редкую, драгоценную искру, где остроумие переплеталось с растущей физической тягой.

Они говорили больше часа. О жестком мире шоу-бизнеса и спорта, о железном одиночестве на вершине, о том, как толпа боготворит тебя сегодня и готова растоптать завтра за одну фальшивую ноту или сорванный элемент. Алехандро оказался на удивление проникательным: за маской холеного латинского мачо скрывался умный, циничный стратег, который видел Нику насквозь — ее скрытую боль, ее усталость от роли живого памятника.

Около полуночи яхта замедлила ход возле острова Сен-Луи.

Они вышли на открытую корму. Париж за бортом затих, кутаясь в промозглый туман. От воды веяло свежестью и сыростью, но рядом с Алехандро Нике не было холодно. Он стоял у фальшборта, держа в руке бокал, и в полумраке его силуэт казался высеченным из гранита.

— Подойди, — тихо позвал он.

Ника сделала два шага, встав рядом. Волна мерно билась о борт яхты, где-то вдалеке сияла призрачная верхушка Эйфелевой башни.

— Ты прекрасна на льду, Ника, — его голос изменился. В нем исчезла ирония, остался только густой, вибрирующий бархат, от которого по спине побежали мелкие мурашки. — Но сегодня, когда ты смеялась... настоящая, растрепанная, живая. Я смотрел на тебя и понимал, что пропал.

Он поставил бокал на тиковый столик и медленно повернулся к ней.

Воздух между ними снова сгустился до предела, наэлектризовался, превратившись в порошок. Алехандро сделал шаг вперед, лишая ее пространства для маневра. Он не спрашивал разрешения: его большая, теплая ладонь легла ей на шею, длинные пальцы зарылись в платиновые волосы у самого затылка, слегка сжав пряди.

Ника прерывисто вдохнула, ее зрачки расширились на всю радужку.

— Алехандро... — предупреждающе начала она, но ее голос сел, превратившись в шепот.

— Молчи, — выдохнул он прямо в ее губы. — Хватит бегать от меня.

Он накрыл ее рот своими губами.

Это не было робким прикосновением. Это была буря. Жадный, властный, сокрушительный поцелуй, от которого земля ушла из-под ног быстрее, чем при самом страшном падении на арене. Алехандро целовал ее так, будто умирал от жажды: его губы были горячими, требовательными, знающими каждое уязвимое место.

Когда кончик его языка коснулся ее губ, проникая глубже, требуя полной капитуляции, по телу Ники прокатился такой мощный электрический разряд, что волосы на затылке и руках встали дыбом. Дикая, животная волна возбуждения ударила в низ живота раскаленным свин-

пом. Ее пальцы сами собой, против воли разума, вцепились в ткань его рубашки на груди, сминая шелк.

Он застонал ей в губы — глухо, утробно, чувствуя ее ответную страсть. Вторая его рука скользнула вниз, по изгибу спины, опустилась на поясницу и с силой прижала Нику к своему телу.

Она почувствовала его всем телом: напряженного, твердого, сгорающего от желания. Алехандро целовал ее шею, жадно прикусывая чувствительную кожу под челюстью, спускаясь к ключице, сбивая ее дыхание до прерывистых, рваных стонов. Каждое его прикосновение жгло, плавило многолетнюю ледяную броню, превращая олимпийскую чемпионку в дрожащую от страсти женщину.

— Черт возьми, Ника... — его голос сорвался на хриплый, прерывистый шепот у самого ее уха. Его горячие губы обожгли мочку. Руки крепко сжимали ее бедра, не давая отстраниться. — Пойдем вниз. Прямо здесь. Прямо сейчас. Я больше ни секунды не выдержу без тебя...

Его ладонь властно скользнула под край ее кофты, коснувшись голой, разгоряченной кожи на талии. Жар его пальцев был настолько невыносимо сладок, что Ника на мгновение зажурилась, готовая сдаться этому первобытному, сметающему все шторму.

Но в этот момент двигатели яхты изменили тональность. Судно мягко коснулось кранцев у каменного причала набережной Турнель — Алехандро сам заранее распорядился причалить здесь к часу ночи.

Этот мягкий толчок выдернул Нику из сладостного тумана.

Она открыла глаза. Дыхание сбилось, губы горели и покалывали от его поцелуев, сердце стучало в горле. Сдаться сейчас — значило стать очередной галочкой в его длинном списке побед. Очередной трофейной женщиной, растаявшей от одного поцелуя испанской звезды.

«Нет. Не так просто», — вспыхнула холодная мысль.

Ника уперлась ладонями в его плечи. Медленно, дразняще, она отстранилась на несколько сантиметров, заглянув в его потемневшие, полные первобытного голода глаза. На ее раскрасневшемся лице расцвела та самая фирменная улыбка — смесь ангельской невинности и абсолютного превосходства.

— «Прямо сейчас» не получится, Алехандро, — ее голос звучал низко, бархатно, с легкой сексуальной хрипотцой, от которой у него перехватило дыхание.

— Ника, прекрати играть, — прорычал он, пытаясь снова притянуть ее к себе за талию, но фигуристка с грацией кошки выскользнула из его хватки.

Одним легким движением она поправила кофту, подхватила пальто и сделала шаг к открывшемуся трапу. На пирсе уже стояло вызванное через приложение такси с горящим зеленым огоньком — она нажала кнопку вызова в кармане еще двадцать минут назад, пока они подплывали к острову.

Ника ступила на трап, обернулась и посмотрела на него через плечо. Ветер трепал ее платиновые пряди, глаза сияли в свете фонарей чистым озерным льдом, а припухшие от его поцелуев губы изгибались в дразнящей полуулыбке.

— Великие победы требуют долгой подготовки, сеньор, — прошептала она, бросив на него долгий, многообещающий взгляд. — Спасибо за устрицы.

Она легко сбежала по трапу на набережную, села в машину и захлопнула дверь. Такси сорвалось с места, растворяясь в парижском тумане.

Алехандро остался стоять на мокрой палубе. Холодный речной ветер обдувал его пылающее лицо и расстегнутую рубашку, но кровь в жилах все еще кипела. Губы хранили вкус ее кожи — сладкой, с металлическим холодком и запахом морозного утра.

Он тяжело выдохнул, запустил пятерню в смоляные кудри и медленно покачал головой.

Шок от ее дерзости снова разбился о стену дикого, неукротимого восторга. На его породистом лице медленно расплылась широкая, хищная, предвкушающая улыбка игрока, который нашел единственную партию, стоящую целой жизни.

Он сжал кулак, оперся о перила и тихо бросил в темноту вслед уехавшей машине:

— Ты будешь моей, королева. Вот увидишь.

Глава 8. Цветочный террор и железная дева

Если ад существует, то он определенно залит льдом и говорит с тяжелым советским акцентом.

К семи утра следующего дня новость о том, что Ника пропустила вечерний сеанс крио-сауны и глубокого мышечного дренажа, уже лежала на столе Евгении Моро в виде сухой служебной записки от главного реабилитолога олимпийской сборной.

Когда Ника вошла в холл катка, мать даже не повысила голос. Она просто стояла посреди пустой арены в своем неизменном черном шерстяном пальто, держа в руке секундомер на толстом шнурке.

— Твои мениски стоят три миллиона евро по страховке, — не оборачиваясь, произнесла Евгения. Каждое слово падало в морозную тишину, как кусок свинца. — А ты меняешь их на речные прогулки с латинскими шутами. На лед.

Ника даже не успела завязать шнурки до привычного натяжения: — Мама, это было...

— Разминка окончена, — отрезала мать. — Степ-последовательность четвертого уровня. Пять раз подряд. Без перерыва на дыхание. Затем — серия четверных сальховов на связках. Если увижу хоть один недокрут на четверть оборота — пойдешь прыгать на «удочке» до полудня.

Следующие четырнадцать дней слились для Ники в один бесконечный, безжалостный марафон на выживание.

Евгения Моро решила вытравить из дочери любые намеки на романтику самым проверенным советским методом: физическим уничтожением остатков сил. Подъем в четыре утра, кросс по мокрым дорожкам Булонского леса в утяжеленном жилете, три часа хореографии у станка, где Жан-Люк по указке матери требовал выворотности суставов на грани человеческой анатомии, а затем — четыре часа на льду. Ника падала, сдирала локти, вставала, заходила на четверной тулуп снова и снова, пока лезвие конька не начинало дрожать от спазмов в икрах.

К концу второй недели молочная кислота в ее мышцах, казалось, вытеснила кровь. Она засыпала прямо в раздевалке на массажном столе, едва успев приложить лед к ноющим лодыжкам, а просыпалась с привкусом железа во рту и одной мыслью: «Выдержать. До старта Гран-при осталась неделя».

Но если Евгения осаждала ее тело, то Алехандро методично, с изощренной испанской жестокостью штурмовал ее рассудок.

Он не просто звонил — он устроил настоящий коммуникационный террор. Телефон Ники разрывался каждые двадцать минут. Сообщения, аудиозаписи, видеосообщения из гримерок, где он с взъерошенными кудрями и расстегнутым воротом рубашки хрипло шептал в камеру: *«Ты все еще бежишь, *ti reïna*? Мой пульс все еще помнит твою руку. Я в Лионе, но думаю только о том, как пахнут твои волосы»*.

А затем началось цветочное безумие.

К третьему дню ее добровольного затворничества каток в Булонь-Бийанкур стал напоминать не спортивный объект, а склад элитного флористического дома на Вандомской площади. Бедный пожилой охранник Батист на проходной заработал тяжелейший приступ аллергического ринита: курьеры в фирменных ливреях приезжали каждые два часа.

Сначала это были гигантские охапки белых пионов, привезенных спецрейсом из Южной Америки. Затем — каскады черных орхидей, редкие синие розы, корзины с цветущими ветвями миндаля. Цветами были заставлены вестибюль, тренерская, коридоры и персональная раздевалка Ники. Они благоухали так неистово, что даже запах ледового аммиака капитулировал.

К каждому букету прилагалась карточка. Без подписи. Только координаты, даты и дерзкие фразы, написанные его размашистым почерком: *«Париж, Берси. 20 000 человек пели припев, а я пел его для пустой ложи, где должна была сидеть ты».* *«Лион. Зал ревел на бис трижды. Но я бы отдал все эти аплодисменты за одну секунду на той палубе».* *«Марсель. Я не привык проигрывать женищинам, Ника. Сдавайся. Наши матч еще даже не начался».*

Он уже дал три грандиозных аншлаговых концерта во Франции, билеты на которые перепродавали за тысячи евро, его треки гремели из каждого автомобильного радиоприемника Парижа, но Ника держала оборону со свирепым упрямством олимпийского чемпиона. Она не ответила ни на один звонок. Ни на одно сообщение.

Она заперла себя в монастыре строгой спортивной дисциплины, внушая себе, что тот поцелуй на яхте был лишь минутным помешательством, вызванным шампанским и нехваткой кислорода.

Но ее личные «демоны-хранители» думали совершенно иначе.

В пятницу днем, когда Ника после очередной утренней бойни сидела на кушетке в своей раздевалке, безуспешно пытаясь натянуть носок на опухшую правую стопу, дверь с ноги распахнула Кейт.

Рыжая фурия была в леопардовом пальто, темных очках в пол-лица и с коробкой горячих миндальных круассанов. Следом, грациозно лавируя между очередными корзинами с розами, вошла Милли с двумя термокружками матча-латте.

— Так, всё, цирк закрывается, клоуны уходят на пенсию! — с порога заявила Кейт, брезгливо отпихнув ногой в замшевом сапоге корзину с белыми лилиями. — Батист на вахте чихает так, что стекла в дверях дребезжат! Весь каток пахнет как похороны венецианского дожа! Моро, ты вообще в своем уме?!

— Кейт, сделай звук потише, у меня виски пульсируют, — глухо отозвалась Ника, утыкаясь лбом в сложенные руки.

— Я сделаю звук потише, когда ты вытащишь голову из морозильника! — Кейт шлепнула коробку с выпечкой на столик прямо поверх олимпийских протоколов. — Две недели! Две гребаные недели ты сидишь на этой арене, как прикованный к скале Прометей, пока самый желанный мужчина планеты устилает твоими любимыми цветами половину Иль-де-Франс!

— Он не самый желанный, он просто наглый и самовлюбленный, — буркнула Ника.

— Он прислал тебе две тысячи эквадорских роз вчера утром, Ника, — невозмутимо вставила Милли, усаживаясь в единственное свободное от букетов кресло и элегантно скрещивая длинные ноги. — С точки зрения семиотики и теории знаков, это не самовлюбленность. Это маниакальная, клиническая фиксация. В средневековой куртуазной поэзии рыцари за меньшие жесты получали пояса верности своих дам. А ты даже не прочитала его последнее голосовое.

— Вы не понимаете! — вскинулась Ника, и в ее голубых глазах блеснула смесь бешенства и смертельной усталости. — Через четыре дня этап Гран-при в Париже! «Берси»! Мой первый официальный старт в олимпийском сезоне! Там будут японцы, американцы, вся мировая пресса! Если я сорву хоть один четверной прыжок, федерация сожрет меня живьем! Мама Евгения спит по четыре часа, чтобы выстроить мне программу! У меня нет времени на сопли, свидания и поцелуи на катерах!

— Сопли?! — взвизгнула Кейт, срывая очки. — Ника, детка, поцелуи этого мужика стоят дороже годового бюджета твоего фонда! Ты видела его бицепсы в клипе, который вышел вчера? Он там выходит из бассейна в мокрых белых штанах! Я лично пересмотрела этот момент сорок два раза, Милли свидетель! А ты от него бегаешь по катку, как перепуганная монашка!

— Кейт выражается вульгарно, но ее тезис имеет под собой рациональное зерно, — мягко поддержала Милли, передавая Нике теплую кружку. — Твой аскетизм граничит с патологией, дорогая. Ты наказываешь себя за то, что позволила себе почувствовать слабость. Твоя мать внушила тебе, что чемпион не имеет права быть человеком. Но отрицание базовых эмоцио-

нальных потребностей ведет к психосоматическим срывам на пике нагрузок. Ты просто перегоришь до выхода на лед.

— Я не перегорю, — упрямо сжала челюсти Ника, грея озябшие пальцы о картонный стакан. — Я прыгаю пять квадов на тренировках. Я в идеальной форме.

— Ты в форме куска гранита, Моро, — фыркнула Кейт, плюхнувшись рядом с ней на кушетку и бесцеремонно сунув ей под нос надкушенный круассан. — На, ешь углеводы, пока мать не пришла и не взвесила твою душу на аптекарских весах. Ты превратилась в призрак. Ты хоть помнишь, когда последний раз улыбалась без камер?

Ника замерла. В памяти предательски вспыхнула темная сена, плеск волн за иллюминатором яхты, вкус устриц и ее собственный, искренний, раскатистый смех под сводами каюты. И его глаза. Черные, жадные, смотрящие на нее так, будто она была единственным источником тепла в ледяной вселенной.

— Вот видишь! — торжествующе ткнула в нее пальцем Кейт, заметив, как смягчился взгляд фигуристки. — Вспомнила! Зарумянилась! Слушай сюда, ледовая прима. Завтра у него финальный парижский концерт перед европейской частью тура. Он выступает на «Аккор Арене». В ста метрах от твоего катка, между прочим.

— Я не пойду, Кейт.

— А тебя никто и не спрашивает! — Кейт победоносно вытащила из кармана пальто два платиновых VIP-пропуска с тиснением и голограммами личной ложки певца. — Я обменяла три эскиза для его новой бэк-вокалистки на эти пропуска. Ты пойдешь туда завтра вечером. Инкогнито. Кепка, худи, темные очки. Выпьешь чертов коктейль, посмотришь, как он поет, зайдешь в гримерку на десять минут и хотя бы скажешь человеку «спасибо за оранжерею», пока Батист не умер от астмы прямо на турникете!

— А если мама узнает? — вырвалось у Ники прежде, чем включился рассудок.

Милли тихо рассмеялась, поправляя тонкие очки: — У мамы Евгении завтра в восемь вечера прямой эфир на французском спортивном телевидении в качестве эксперта. Она будет два часа разбирать ошибки юниоров. Мы проверили сетку вещания. Алиби безупречно.

Ника посмотрела на платиновый пропуск, лежащий на коленях. Металл охлаждал пальцы, но внутри, под слоями железной самодисциплины, вспыхнул тот самый опасный, сладкий, запретный огонь.

Она так отчаянно хотела увидеть его снова. Всего один раз перед тем, как олимпийская мясорубка захлопнет свои челюсти окончательно.

— Двадцать минут, — тихо, сдаваясь, выдохнула Ника. — Ровно двадцать минут в гримерке после шоу. И ни секундой больше.

Кейт издала победный вопль, эхом разнесшийся по коридорам арены, а Милли лишь довольно пригубила чай, прекрасно зная: двадцать минут рядом с Алехандро для женщины, чей лед уже дал трещину, значат либо полную капитуляцию, либо катастрофу.

Глава 9. Операция «Инкогнито» и ледяная серенада

В девятнадцать ноль-ноль на государственном телеканале France 3 стартовал прямой эфир вечерней спортивной аналитики. На огромной плазме в гостиной Ники появилось сухое, безупречно строгое лицо Евгении Моро в темно-синем костюме. Она уже с ледяным сарказмом отчитывала ведущего за некомпетентность в вопросах судейской шкалы GOE.

— Капкан захлопнулся, генерал на позиции, — возвестила Кейт, захлопывая чехол с париками. — Милли, докладывай обстановку на периметре!

Милли, сидевшая на пуфе с открытым планшетом и гарнитурой в ухе, даже не улыбнулась: — Сервисный въезд со стороны набережной Берси перекрыт для публики из-за кортежа префекта полиции. У нас есть ровно семь минут между сменой охраны третьего сектора и проездом кейтеринга. Пропуск начальника сценического монтажа загружен в базу. Нас встретит звукорежиссер, которому Кейт пообещала автограф фронтмена Måneskin.

— Я святая женщина, ради тебя иду на международные преступления, — Кейт развернула Нику к зеркалу. — А теперь — маскировка.

Превратить женщину ростом метр семьдесят пять с осанкой античной статуи и лицом, напечатанным на каждом втором рекламном щите Парижа, в невидимку было задачей почти невыполнимой. Но Кейт подошла к делу с маниакальным азартом.

Платиновый водопад волос Ники был туго заплетен в две плоские косы и спрятан под шелковый подшлемник, поверх которого Кейт натянула густой каштановый парик каре с рваной челкой. Никаких каблучков — тяжелые армейские ботинки на платформе, мешковатые черные карго, безразмерное худи с надписью «TECH CREW» и длинный черный кожаный тренч в стиле «Матрицы». Лицо закрывали огромные черные очки-маска и темная медицинская маска, спущенная на подбородок.

Ника посмотрела в зеркало и прыснула со смеху: — Я похожа на наркодилера из Восточной Европы, который приехал грабить ювелирный магазин.

— Ты похожа на человека, которого ни один папарацци в здравом уме не заподозрит в пяти олимпийских медалях! — парировала Кейт, натягивая на нее черную бейсболку козырьком назад. — Милли, мы выдвигаемся. Если нас поймают, я скажу, что мы везем реквизит для порнофильма.

Миссия напоминала шпионский триллер категории «А».

Черный фургон с логотипом кейтеринговой службы просочился через служебный шлагбаум «Аккор Арены» за шесть минут до звонка. Оглушительный гул двадцатитысячной толпы, штурмующей главные входы, вибрировал даже сквозь бетонные перекрытия подземных тоннелей. Запах жареного попкорна, пива, дорогого парфюма и разогретой аппаратуры кружил голову.

Они пробрались техническими коридорами под аккомпанемент раций и криков стейдж-менеджеров. Ника шла, опустив голову, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. В этом запретном, полуполицейском побеге было столько чистого, подросткового адреналина, сколько она не испытывала со времен своих первых детских соревнований, когда отец тайком покупал ей сахарную вату вопреки запретам мамы.

— Сюда, быстрее, — шепнул парень с бейджем «BACKSTAGE ACCESS», распахивая тяжелую звукоизолирующую дверь на самом верхнем ярусе.

Ложа номер одиннадцать.

Полностью изолированная, с отдельным санузлом, приглушенным неоновым светом и панорамным бронированным стеклом с глубокой зеркальной тонировкой: изнутри арена проглядывала как на ладони, снаружи ложа казалась абсолютно черной бездной.

— Мы внутри, — выдохнула Милли, аккуратно снимая плащ и поправляя шелковую блузку. — До конца эфира твоей матери ровно один час и сорок минут.

В этот момент арена взорвалась.

Свет погас одновременно во всем двадцатитысячном зале. Тьму разорвал оглушительный рев толпы, от которого задрожали стеклянные перегородки ложи. Загрохотали барабаны — тяжелый, вибрирующий в грудной клетке ритм, заставляющий кровь пульсировать в унисон. На гигантских экранах вспыхнули языки цифрового пламени, и из глубины сцены в снопе спящих софитов появился он.

Алехандро.

Ника замерла у самого стекла, забыв снять темные очки.

На сцене он был не тем галантным кавалером с яхты и не наглым соблазнителем с катка. Он был абсолютной, первобытной стихией. Кожаные брюки, тонкая майка, промокшая от пота уже к третьей песне и облепившая рельефный торс, электрогитара в руках и голос — дикий, хриплый, срывающийся на страстный рык и взрывающийся к чистому фальцету. Он двигался с грацией пантеры, управляя двадцатитысячной толпой одним взмахом руки. Зал пел каждую строчку, девушки в фан-зоне буквально бились в экстазе, охрана едва сдерживала напор первых рядов.

— Мать божья... — благоговейно простонала Кейт, прилипнув носом к стеклу и сжимая бокал с джином. — Я готова простить ему все грехи человечества. Посмотри, как он берет аккорд! Ника, если ты не переспишь с ним после этого, я официально откажусь шить тебе костюмы!

Ника не слышала подругу. Ее взгляд был прикован к сцене. Внутри разгорался тот самый пожар, который она так отчаянно пыталась залить ледяной водой тренировок. Он был великолепен. Непозволительно, преступно талантлив.

К середине концерта темп сменился. Заиграли тягучие, низкие басы его главного латиноамериканского хита. Алехандро сбросил гитару технику, взял беспроводной микрофон и пошел по длинному подиуму прямо в центр ревущего зала.

Он пел, тяжело дыша, капли пота стекали по бронзовой шее, грудь вздымалась. И вдруг он поднял голову.

Его темные, хищные глаза медленно скользнули по VIP-секторам. Прошли мимо ложи спонсоров, мимо послов... и резко замерли на ложе номер одиннадцать.

Ника отшатнулась от стекла на полшага, но было поздно.

Она не знала, как он понял. Стекло было тонированным, свет в ложе был выключен. Но Алехандро смотрел прямо на нее. Сквозь темноту, сквозь расстояние в сорок метров, сквозь парик и темные очки. Между ними протянулась невидимая высоковольтная линия.

На его мокром, породистом лице медленно, вызываясь расплылась та самая улыбка. Зверь почуял свою добычу.

Весь оставшийся концерт превратился в публичную, изощренную пытку.

Алехандро больше не смотрел на двадцатитысячный зал. Он пел для одной затемненной ложи. Каждый жест, каждое движение бедер, каждый хриплый вздох в микрофон — все было направлено в ее сторону с такой неприкрытой сексуальной агрессией, что у Ники горели щеки, а Кейт рядом тихо повизгивала от восторга, толкая Милли локтем.

В одиннадцать вечера отгремели финальные биты основного трек-листа. Зал ревел, требуя бис: топали тысячи ног, трибуны ходили ходуном.

Алехандро вернулся на сцену один.

Без группы. Без танцоров. Только он, высокий деревянный барный стул и акустическая гитара цвета темной вишни. Основные софиты погасли, оставив лишь один узкий луч холодного, лунно-белого света, падающий на него сверху.

Зал постепенно начал затихать, предвкушая балладу. Алехандро сел на стул, придвинул микрофонную стойку и провел ладонью по мокрым смоляным кудрям. Его дыхание — тяжелое, глубокое — разнеслось по арене через многокиловаттные динамики.

— Париж... — негромко произнес он. Голос звучал непривычно тихо, без сценического пафоса, интимно и хрипло. — Этот тур был безумием. Но сегодня... сегодня особенный вечер.

Толпа затаила дыхание. Кейт в ложе перестала жевать лед из бокала.

— Три дня назад я написал песню, которой нет ни в одном альбоме, — Алехандро опустил взгляд на струны, мягко тронув пальцами нижнее «ми». Глубокий, вибрирующий аккорд прокатился по трибунам. — Мой продюсер убьет меня за то, что я пою ее без репетиций. Но мне плевать. Потому что она написана для одной женщины. Удивительной. Недостижимой. Женщины, которая украла мой покой и спрятала мое сердце за стенами из чистейшего льда.

В ложе номер одиннадцать воцарилась мертвая, звенящая тишина.

Ника медленно сняла черные очки. Ее пальцы вцепились в кожаные подлокотники кресла так, что побелели костяшки.

— Что он несет?.. — одними губами прошептала она.

— О боги античности... — выдохнула Милли, выпрямляясь и роняя блокнот на пол.

Алехандро поднял глаза прямо к их стеклу. В его взгляде полыхал открытый, безжалостный вызов всему миру.

— Если ты слышишь меня... это тебе, *mi reina*.

Он ударил по струнам.

Полилась музыка — щемящая, сложная, сотканная из испанской меланхолии и французского романтизма. И он запел. Смешивая испанский и французский языки, вкладывая в каждую строчку столько обнаженной, кровоточащей нежности, что у зрителей на трибунах перехватывало дыхание:

«Sous le ciel gris de Paris, elle vole sans toucher terre... (Под серым небом Парижа она парит, не касаясь земли...) Reine de glace et dor, brisant les lois de l'air. (Королева льда и золота, ломающая законы воздуха). Пять венцов на ее челе, но в глазах — вечная мерзлота. Ты кружишь в четырех оборотах, пока мой мир сходит с ума, Франция держит твоё дыхание на лезвии ножа. Но я готов сгореть дотла, лишь бы согреть твои ладони...»

Слова падали в тишину зала, как раскаленные камни.

«Королева льда и золота». «Пять венцов». «Четыре оборота». «Франция на лезвии ножа».

Зал внизу сначала замер, а затем по секторам покатился гул узнавания. В партере вспыхнули тысячи экранов телефонов. Люди начали переглядываться, вслушиваясь в текст. Любый человек во Франции, у которого был хотя бы телевизор или доступ в интернет, знал только одну блондинку с пятью олимпийскими золотыми медалями, прыгающую четверные прыжки под флагом Республики.

— О... мой... бог, — Кейт медленно повернулась к Нике, ее глаза были размером с блюдца. — Он спел про тебя. На двадцать тысяч человек. В прямом эфире стримингов.

Телефон Ники в кармане тренча завибрировал. Затем еще раз. И еще.

Уведомления посыпались сплошной стеной: твиттер, новостные каналы, спортивные паблики, таблоиды. **«АЛЕХАНДРО ПОСВЯТИЛ НОВУЮ БАЛЛАДУ НИКЕ МОРО?!» «ПЯТЬ ВЕНЦОВ И ЛЕД: РОМАН ВЕКА МЕЖДУ ПОП-ИДОЛОМ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕРОИНЕЙ!»**

Следом вспыхнул входящий звонок.

Крупными, безжалостными буквами на экране высветилось: **МАМА (14 пропущенных)**.

Прямой эфир на канале France 3 закончился десять минут назад.

Ника медленно опустила телефон, ее лицо стало блее свежезалитого катка. Она перевела пустой, остекленевший от ужаса взгляд на Кейт и Милли.

— Это конец, — безжизненным шепотом произнесла величайшая фигуристка планеты.
— Моя мать меня убьет. Прямо на этом чертовом стекле.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.